

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К 212.053.03

На правах рукописи

Новоселова Татьяна Александровна

Концепция судьбы в романе Л.Улицкой «Медея и ее дети»

10.01.01 – Русская литература

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Махачкала – 2012

Работа выполнена на кафедре отечественной и зарубежной литературы
Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Пятигорский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Казиева Альмира Магомедовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Тарланов Е.З.
кандидат филологических наук, доцент
Пашаева Т.Н.

Ведущая организация: МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ «ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Защита состоится 14 марта 2012 года в 14.00 часов на заседании диссертационного совета К 212.053.03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в ФГБОУ ВПО: «Дагестанский государственный университет» по адресу: 367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 37, ауд. 42. (тел. 8 (8722) 67–09–94)).

Диссертация принята к защите 7 декабря 2011. Объявление о защите диссертации и автореферат размещены на официальном сайте Дагестанского государственного университета www.dgu.ru и сайте Министерства образования и науки РФ referat_vak@mon.gov.ru 29 января 2012 г.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО: «Дагестанский государственный университет» (367003, г. Махачкала, ул. Батырая, 1.).

Автореферат разослан 30 января 2012 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Э.Н. Ширванова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Людмила Улицкая становится известной писательницей в зрелом возрасте: в момент публикации в журнале «Новый мир» повести «Сонечка» (1992) ей исполнилось сорок девять. К тому времени она имеет весьма разнообразный профессиональный и жизненный опыт: сфера генетики, завит в еврейском театре, создание сценариев к двум фильмам «Сестрички Либерти», «Женщина для всех», ранние литературные работы – стихотворения, часть которых введена автором в роман «Медея и её дети», сказки для собственных детей, напечатанные лишь в 2007 году. В 80-е Улицкая занималась литературной работой самого разного рода: от пьес, инсценировок для детского театра, для радио, для кукольного театра, очерков до рецензирования пьес в Министерстве культуры и поэтических переводов по подстрочникам. Всё это делает творческую судьбу Л. Улицкой уникальной, в которой 1994 год становится рубежным: впервые опубликован сборник рассказов Людмилы Улицкой «Бедные родственники», который ранее вышел в свет во французском издательстве «Галлимар» и только затем в России. Престижное французское издательство, решившееся издать произведение совершенно неизвестного русского писателя, шло нестандартным путем, причем сама Л. Улицкая оценивает этот факт так: «Я же занималась тем, что называется «тихой литературой»: ни острой проблематики, ни диссидентства... Не могу сказать, что мной очень интересовались» [Улицкая, 2003]; «Тот успех, что я имею сейчас, очень сильно превышает мои ожидания» [Улицкая, 2003]; «Я вообще-то не ощущаю себя писателем, я, скорее, ощущаю себя небольшой собакой, которая вышла вечером погулять в подворотню по своим делам» [Улицкая, 2005].

По истечении первого десятилетия XXI в. Л. Улицкая – автор пятнадцати книг, среди которых четыре романа: «Медея и её дети» (1996), «Казус Кукоцкого» (2000), «Искренне ваш Шурик» (2004), «Даниэль Штайн, переводчик» (2006); три повести: «Сонечка» (1992), «Весёлые похороны» (1999), «Сквозная линия» (2002); сборники рассказов «Сто пуговиц», «Бедные родственники» (1994), «Второе лицо» (2002), «Цю-юрихь» (2002), «Бедные, злые любимые» (2002), «Первые и последние» (2003), «Детство сорок девять» (2003), «Люди нашего царя» (2005); сборник сказок «Истории про зверей и людей» (2007); сборник пьес «Русское варенье» (2008). Людмила Улицкая получает ряд престижных литературных премий, в том

числе зарубежных: премия «Медичи» 1994 года за повесть «Сонечка», 1997 год – международная премия «Москва — Пенне», 1999 год — итальянская премия «Джузеппе Ацерби» за роман «Медея и её дети». В 2001 году Улицкая становится лауреатом премии «Смирнофф — Букер» за роман «Казус Кукоцкого». Как писательнице года, ей присуждена национальная премия «Иванушка 2004». В 2007 году роман «Даниэль Штайн, переводчик» был удостоен премии «Большая книга». За роман «Искренне Ваш Шурик» Улицкая получила премию Гринцане Кавур в 2008 году. В 2011 году ей присуждена премия Симоны де Бовуар. На сегодняшний день произведения Л. Улицкой переведены более чем на двадцать языков. Феномен таланта и популярности Л. Улицкой всё больше привлекает к себе внимание отечественных и современных критиков и литературоведов, что и обуславливает актуальность настоящего исследования.

Степень изученности темы. При изучении специфики произведений Л. Улицкой основными вопросами, интересующими литературных критиков и литературоведов, являются выявление «ядра» стиля писателя (в терминологии В.В. Виноградова) и определение качества её прозы в целом. Квалифицирование в том или ином ключе остаётся противоречивым, различаясь в своей основе концептуально: мейнстрим (Д. Шаманский), между мейнстримом и высоким стилем (А. Чанцев), постмодернизм (О. Дарк, Т. Казарина), неосентиментализм (В. Юзбашев, М. Золотонос, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий), реализм (Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий), «женская проза» (Т. Казарина), «дамская литература», «средняя проза», «примитивизм наивного искусства» (О. Рыжова), беллетристика (О. Крижовецкая).

Подчеркивая принадлежность «Казуса Кукоцкого» к жанру реалистического семейного романа, произведения Л. Улицкой Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий относят к различным направлениям современной литературы, говоря о повестях как о женской неосентименталистской прозе. Последняя характеристика позволяет поставить имя Л. Улицкой в один ряд с такими представителями «новой сентиментальности», как Н. Коляда, М. Палей, Г. Щербакова: «То, что делает «неосентиментализм» в 80—90-е годы, — пишет Н. Лейдерман, — прямо противоположно тому, чем занимается постмодернизм. Если последний дискредитирует не только фантомы культуры, он превращает в «симулякры» даже объективную реальность, которая преломлена в культурном опыте, то «новый сентиментализм» уже обращается к романтическому мифу как к онтологической реальности. В произведениях «нового сентиментализма»

актуализируется память культурных архетипов, наполненных высоким духовным смыслом: образы пушкинской сказки и андерсеновской «Снежной королевы» у Коляды («Сказка о мертвой царевне», «Ключи от Лёрраха»), мотив Медеи у Л. Улицкой («Медея и ее дети»), параллель с феллиниевской Кабирией у М. Палей («Кабирия с Обводного канала»), травестирирование сюжета о благородном рыцаре - верном слуге своей Дамы в повести Г. Щербаковой «У ног лежачих женщин», но эти архетипы не канонизированы, они сдвинуты из своих семантических гнезд, а главное - в отличие от прежнего неосентиментализма они не находятся в непримиримом антагонизме с окружающей их «чернухой». Отношения тут сложнее — и отталкивание, и нахождение черт сходства, и озарение прорывом из «чернушного дна» к свету, излучаемому архетипическим образом» [Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы: 2 т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 566]. Исследователи параметрируют черты неосентиментальной прозы, выделяя среди них «слёзность», обращённость к телу и мифопоэтичность, так что фактически «писатель-неосентименталист обращается к архаической и литературной мифологии не столько для актуализации прежних смыслов, сколько для интерпретации архетипов и создания собственной мифологии» [Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой. Дисс. канд.филол.н.: 10.01.01. Барнаул, 2009. 165 с. С.9].

При неуклонно возрастающем интересе к творчеству Л. Улицкой, как читательском, так и сугубо профессиональном, глубоких аналитических работ в данной сфере немного. Различные аспекты поэтики Л. Улицкой (интертекстуальность, автопародия, особенности моделирования хронотопа, образная система романов, стилистические метаморфозы, мотивика, мифопоэтика) становятся предметом исследования в рамках современной литературоведческой науки. Детального изучения заслуживает концепция судьбы в романе «Медея и ее дети». Такое направление исследования позволит выявить несколько скрытых пластов неизученного в творчестве писательницы и поможет структурировать все вышеперечисленные аспекты поэтики, к которым ранее обращались литературоведы.

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению индивидуально-авторской концепции судьбы Л. Улицкой, репрезентированной в романе «Медея и её дети». Отметим, что большинство хрестоматийных определений понятия судьбы содержит ряд его существенных признаков, таких как: иррационалистически-индетерминистическая сущность судьбы, абсолютизирующая в явлении

детерминации только один аспект – аспект несвободы; идея силы судьбы и бессилие человека перед лицом натуральных ограничений его природы, физического естества, силы онтологических обстоятельств.

В качестве рабочего определения воспользуемся формулировкой, предложенной С.С. Аверинцевым: «Судьба – понятие – мифологема, выражающее идею детерминации как несвободы. Судьба не только не познаваема (как и Провидение) – она «слепа» и «темна» безотносительно к познающему субъекту, по самому своему бытию. Судьба не просто скрыта в некоей темноте, но сама есть темнота, не высветленная никаким смыслом» [Аверинцев С.С. Судьба // Философская энциклопедия. Гл. ред. Ф.В. Константинов. Т.5. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 158]. В то же время мы согласны с В.Г. Гаком: «Судьба есть движение жизни, изменение в положениях человека» [Гак В. Г. Судьба и мудрость // Понятие судьбы в контексте разных культур / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 198]. Движение жизни происходит независимо или независимо от чьей-либо воли. «В свою очередь, – рассуждает В.Г. Гак, – носителем (источником) воли, определяющей пути и его изменения, может быть сам человек или нечто, постороннее ему. Источником изменений, находящимся вне человека, может быть божество или иной распределитель судеб, либо ни от кого не зависимый рок, предназначение, куда даже боги не смеют вмешиваться» [Там же: С. 198-199]. В зависимости от соотношения свободы и воли в представлении отдельного человека о судьбе сама судьба может быть полностью зависимой от человека, частично зависимой или же абсолютно независимой («фатум», «рок»). Судьба является одним из наиболее загадочных феноменов русской культуры, с которым связано множество не разрешённых до сих пор вопросов. В различные периоды развития литературы тема судьбы становится одной из наиболее частотных, обращение к которой сопровождается переосмыслением писателями многих вопросов, поставленных русской литературой и культурой, а также постановкой новых проблем, связанных с дальнейшими путями развития России.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена недостаточной изученностью творчества Л. Улицкой при высоком уровне его востребованности современным читателем, издателем и критиком. Реактуализация мифа в современной культуре открывает широкие перспективы исследования текстов Л. Улицкой с точки зрения их глубинной связи с архетипами. Мифопоэтический подход даёт возможность исследовать специфику авторского неомифологизма, механизмы текстопорождения и позволяет уточнить место прозы Л. Улицкой в литературно-культурном контексте нашей эпохи.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринята попытка комплексного многоаспектного анализа художественного воплощения концепции судьбы в романе Л. Улицкой

«Медея и её дети» и в творчестве писателя в целом, изучается эстетическая аксиология и онтология художественных образов в рамках хронотопа и мотивной парадигмы, уточнена специфика индивидуально-авторской картины мира Л. Улицкой, репрезентированной в художественном мире романа.

Объект исследования – художественное воплощение концепции судьбы в романе Л. Улицкой «Медея и её дети».

Предметом изучения является мотивная парадигма и пространственно-временные отношения, в многообразных корреляциях реализующие индивидуально-авторскую концепцию судьбы в романе Л. Улицкой «Медея и её дети».

Материалом исследования является роман Л. Улицкой «Медея и её дети».

Цель диссертации — осмысление авторской концепции судьбы в аспекте хронотопа, образной и мотивной структуры романа «Медея и её дети» Л. Улицкой, а также выявление специфики и особенностей моделирования авторской мифологии Л. Улицкой.

Обозначенная цель предопределила постановку следующих **задач**:

- выявить концептуальные основы репрезентации понятия «судьба» в мировой культуре: в античных и славянских воззрениях на судьбу, а также в философской и религиозной парадигмах;
- определить основные элементы мотивной парадигмы романа «Медея и её дети», репрезентирующие художественную концепцию судьбы Л. Улицкой;
- раскрыть характер авторской концепции судьбы, выявив основные составляющие индивидуальной картины мира Л. Улицкой;
- провести анализ авторской деконструкции мифа в романе, определив онтологические и аксиологические черты образа главной героини;
- определить специфику мифопоэтики романа «Медея и её дети», опираясь на анализ реализации архетипических и авторских мифологем в художественном мире.

Теоретико-методологической основой диссертационного исследования послужили труды по истории современной отечественной литературы (М. Арбатова, А. Архангельский, П. Басинский, С. П. Белокурова и С. В. Друговейко, П. Вайль и А. Генис, К. Д. Гордович, Н.Иванова, Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, Г. Л. Нефагина, И. С. Скоропонова, М. Эпштейн и др.), а также работы, посвященные изучению творчества Л. Улицкой (Д. Бавильский, Р. Джаквинта, Н. А. Егорова, Е. Л. Ишкина, Т. Казарина, Т. М. Колядич, О. М. Крижовецкая, Л. Куклин, Э. В. Лариева, А. Молчанов, Г.А. Пушкарь, Т. А. Ровенская и др.). Концептуальной

литературоведческой базой стали ключевые идеи, нашедшие отражение в работах М. М. Бахтина, С. Г. Бочарова, А. Н. Веселовского, Л. Я. Гинзбург, А. Б. Есина, А. К. Жолковского, Ю. Г. Круглова, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Я. Проппа, И. В. Силантьева, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова, О. М. Фрейденберг, В. Е. Хализева, Ю. К. Щеглова и др. Важное значение для разработки авторской исследовательской концепции имеют труды по мифологии и проблемам неомифологизма С. Аверинцева, Р. Барта, К. Богданова, Л. Леви-Брюля, А. Ф. Лосева, Е. М. Мелетинского, В. Н. Топорова, Л. В. Ярошенко. Методологическая база представляется недостаточно разработанной, поэтому целесообразна систематизация различных научных концепций на основе контаминирования их аспектов. С их помощью возможна реконструкция архетипических образов и символов, мифологических и религиозных особенностей, сосуществующих в романе, а также интерпретация остаточных элементов веры в судьбу на современном этапе развития общества. Представленные в основе понятия судьбы многозначность, вариативность и многоплановость не позволяют однозначно интерпретировать его семантику. Все попытки сделать прозрачной, истолковать номинацию «судьба» остаются лишь попытками, поскольку определяющими являются её неизвестность и «закрытость».

Методологию диссертационного исследования определяют сравнительно-сопоставительный, структурный, функциональный, историко-культурный, когнитивно – коммуникативный методы анализа.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Основные мифологические представления становятся основой литературного творчества, что закономерно влечет за собой обращение к понятию судьбы как в мировой, так и в русской литературах. Понятие судьбы многообразно репрезентировано в фольклорных и авторских произведениях. Мифологические представления, реализованные в художественном творчестве, преобразованы авторами в соответствии с требованиями литературной эпохи и индивидуальными предпочтениями авторов; являясь исторически детерминированными, темы, мотивы и сюжеты подвержены разнообразным изменениям, прежде всего, под влиянием различных культур.

2. Этнос романа «Медея и её дети» проявляется на основе нового ракурса классических тем, проблем, мотивов, образов, эксплицированного в романе Л. Улицкой в мотивах рода, семьи, дома, пути, любви, страсти, случая, смерти. Так, мотивы рода, семьи, дома тесно связаны с мотивом судьбы, что позволяет писателю ориентировать своих героев и читателя на традиционные нормы и ценности культуры. Мотив пути обуславливает в романе возникновение ситуации выбора и исполнения судьбы, при этом Медея движется в пространстве духовном в вечность, становясь опорой для своих родных. Авторское и персонажное отношение к любви проявляется через различные её типы, мотив любви сопряжен в художественном мире

романа с мотивом страсти. Поскольку судьба тесно связана с бинарной оппозицией «жизнь – смерть», мотив смерти и случая приобретает особое значение в художественной реализации концепции судьбы в романе.

3. Художественная концепция судьбы Л. Улицкой носит как индивидуальный, этноспецифический, так и универсальный характер, что позволяет осмыслить художественный мир романа как обладающий глобальной глубиной и перспективой. В индивидуально-авторской картине мира важную роль играют мифологический, религиозный, философский аспекты мировосприятия, при этом для философской парадигмы важной становится категория свободы.

4. В основе реализации образа Медеи лежит идиллический сверхтип героя, фиксируется связь имени героини с божествами судьбы и мифологическим образом Медеи. Библейский и житийный подтексты являются основой функционирования представлений о судьбе самой героини как поликультурных: античная и славянская парадигма понятия *судьба* сопряжены в её сознании с христианскими воззрениями.

5. Мифопоэтика романа «Медея и её дети» опирается на четко структурированную мотивную парадигму, которая многообразно фиксируется и образует системные отношения в хронотопе. Архаическая парадигма реализуется в авторском понимании линейности жизни, основанном на мифологических прецедентных текстах и архетипах. Мифопоэтический статус авторской концепции судьбы определяется характером её репрезентации: она может быть представлена в виде «пирамиды», в основании которой находятся античные мифологические представления о судьбе, следующим «пластом» культурных представлений становится бинарная оппозиция Добро – Зло, репрезентированная в романе как славянская по своему характеру, вершина пирамиды – христианские представления о судьбе как о Промысле Божьем.

Научно-практическая значимость работы направлена на решение актуальных задач в сфере литературного образования, поскольку Л. Улицкая – один из читаемых авторов, раскрывающих значимые для современности проблемы. Кроме того, особую важность приобретает изучение художественных концепций онтологических сущностей в творчестве современных писателей, в том числе воззрений на судьбу в современном мировосприятии. Особую значимость настоящее диссертационное исследование имеет также в курсе обучения студентов старших курсов, бакалавров, магистрантов филологических специальностей, в разработке лекционных курсов и спецкурсов по истории новейшей отечественной литературы как в рамках их теоретической части (специфика литературного процесса конца XX в.), так и при изучении динамики творчества современной женской прозы.

Теоретическая значимость исследования. Данная научная работа содержит наблюдения и замечания, которые могут определить направления новых исследований художественного мира современной отечественной прозы как в части изучения мотивной структуры произведений, так в развитии теории хронотопа применительно к литературе рубежа XX – XXI вв. Особое значение в исследовании имеет изучение концепции судьбы в общекультурном контексте и в романе Л. Улицкой «Медея и её дети» как наиболее ярком репрезентанте вечных тем и сопряженных с ними мотивов в творчестве писателя. Данное диссертационное исследование обогащает представление о творчестве Л. Улицкой как значимом явлении отечественного литературного процесса и уточняет его статус.

Структура работы, Формулировка темы диссертационного исследования и её композиция определены ее целью и ее задачами. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы – 197 страниц, количество использованных источников – 334.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении определяется актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту, а также намечаются цели и задачи работы, методологические принципы анализа.

Первая глава «Понятие судьбы в контексте разных культур» создает необходимую теоретико-методологическую базу для последующего анализа романа «Медея и её дети» Л. Улицкой с позиций рассмотрения авторской концепции судьбы.

В параграфе 1.1 *«Представления о судьбе в парадигме мифологии, религии, философии»* рассматриваются многообразные воззрения на судьбу, представленные в мифологии, религии, философии. Понятие судьбы в том значении, которое мы знаем сегодня, возникает на заре западноевропейской культуры – в античную эпоху, однако оно претерпевает существенные изменения, трансформируется со временем под влиянием различных культур. Западная культура веками создавала образ судьбы, который и зафиксирован во многих артефактах культуры. Культура Востока более

консервативна, но и она впитала в себя веяния различных эпох. Представления о судьбе в отечественной традиции носят амбивалентный характер. Модификаций судьбы множество: Фатум, Рок, Фортуна, Случай, Провидение, Доля-Недоля, карма и другие. В мифологической картине мира древних людей богини судьбы по своему «статусу» были выше других богов. От воли «судьбы», ее каприза, игривости, насмешки, покровительства зависел человек. Судьба всегда непредсказуема и непонятна. Уже с самого появления понятия судьбы, его модификаций возникают споры в этом проблемном поле. В настоящем диссертационном исследовании подробно рассматриваются античные концепции судьбы – древнегреческие и древнеримские, охарактеризовано отношение к судьбе Демокрита, Платона и Аристотеля.

Мировоззрение современных людей отчасти соотносимо с теми религиозными системами, на основе которых формировалось этническое самосознание. Так, в области монотеистических религий (иудаизм, христианство, ислам) функции судьбы в принципиально переосмысленном виде трансформируются в концепцию божественного провидения, согласно которой все сущее, включая жизнь человека, поступки и действия отдельного человека, предопределено волей единого и всемогущего бога.

Для догматики ислама характерно представление об исконном и вседвляющем фатализме. В Коране утверждается, что бог предначертал все поступки людей вообще и каждого человека в частности. Распоряжение Аллаха судьбами людей является установлением правды и восстановлением справедливости. Понятие судьбы приравнивается к Промыслу Божьему в Православии. По учению православной церкви, Господь каждому предопределил судьбу в здешней, временной и будущей, вечной жизни на основании предвидения, как будет вести себя человек во время земной жизни. По нашим наблюдениям, авторская концепция судьбы, репрезентированная в романе «Медея и её дети», перекликается с некоторыми философскими концепциями, что позволяет рассматривать их как теоретико-методологическую основу анализа произведения Л. Улицкой. Это, прежде всего, концепции русских философов Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, А. Н. Бердяева, А. Ф. Лосева. В трудах философов концепт судьбы выступает как важнейшая категория сознания, с помощью которой строится картина мира. «Доминантной» в этой картине бывает либо «свобода» человека по отношению к судьбе, либо «рабство», в зависимости от мировосприятия.

Параграф 1.2 «Славянская парадигма судьбы: фольклор и литература» содержит характеристику осмысления судьбы в архаическом миропонимании славян и воплощение аспектов данного взгляда на мир в русской литературе. Разнообразные культурные парадигмы традиционно «накладываются» друг на друга в историческом процессе, особое место такое межкультурное взаимодействие занимает в становлении российской государственности. Воззрения славян на судьбу отличаются «синтетическим» характером. В них переплетаются и взаимодействуют представления различных народов, языческие, мифологические и различные конфессиональные, прежде всего, христианские. Своеобразие русских народных взглядов на то или иное явление принято объяснять многими причинами, среди которых особое место занимают ментальность и геополитическое положение страны, но таким способом невозможно объяснить специфику понимания судьбы в России. «Приоткрыть» некоторые стороны в сложном комплексе неоднородных по составу представлений о судьбе может «расшифровка» бинарной структуры русского характера и культуры.

Понятие судьбы отражается в фольклоре и литературных произведениях. В художественном творчестве используются мифологические представления, которые преобразуются авторами. С течением времени основные мифологические представления, к числу которых можно отнести понятие судьбы, изменяются, заимствованные темы и сюжеты трансформируются под влиянием различных культур. Нами кратко охарактеризованы концепции судьбы в творчестве А. С. Пушкина, А. П. Чехова, А. А. Блока, Л. Петрушевской.

В главе второй «Мотивная парадигма судьбы в романе «Медея и ее дети» Л.Улицкой» изучается воплощение концепции судьбы на мотивном уровне, что позволяет детально рассмотреть различные корреляции и релевантные связи данного понятия с универсальным, национальным и индивидуальным уровнями художественного творчества.

В настоящем диссертационном исследовании понятие *судьба* в романе Улицкой «Медея и ее дети» представлено в мифопоэтическом ключе, данный ракурс предполагает дедуктивное направление исследования, что позволяет конкретизировать объект изучения, не вдаваясь в рассмотрение всех принципов поэтики и художественного мира анализируемых произведений. Тем самым, появляется возможность, не сравнивая между собой художественные направления и течения, выявить генезис мифопоэтических моделей, трансформацию традиционных образов в современной культурной

обстановке, исследовать интертекстуальные связи и национальные особенности литературы, раскрыть общее направление художественно-эстетических и нравственно-философских поисков писателей, определив статус конкретного художника в контексте его эпохи.

Параграф 2.1 *«Мотив рода и семьи в романе «Медея и её дети»»* посвящен рассмотрению одного из основополагающих мотивов для русской литературы и его модификации в романе Л. Улицкой. В традиции русской классической литературы семья – это нравственная основа человеческого быта или бытия.

Тема дома и семьи в прозе Улицкой служит для пространственно-временной организации, в ней заложен глубинный смысл. Она важна еще и потому, что ориентирует человека на традиционные нормы и ценности культуры, которые в последнее время отходят на второй план, уступая место идеологии прагматизма. Рефреном через все творчество писательницы проходит мысль: без понимания и осознания своих корней, своей точки опоры, человеку невозможно духовно расти и развиваться. В экспозиции романа «Медея и ее дети» проявляется авторский способ отражения жизни в художественном пространстве, с помощью заглавия как структурного элемента художественного текста и переосмысления его семантики Л. Улицкая расширяет пространственно-временные границы произведения. Писательница воссоздает в романе целостную мифопоэтическую модель мира и, соответственно, ее мифосознание реализуется в системе мотивов, символов и архетипов. Учеными отмечается также то, что в тексте романа подчеркивается взаимосвязь, родство каждого члена огромной семьи с остальными, однако пристальное внимание уделяется главной героине. Медея хранит верность как своему мужу, так и своему дому. Спокойно принимает героиня свою судьбу: вдовство и путь хранительницы семейных традиций, посвятившей свою жизнь другим: «Медея прожила свою жизнь женой одного мужа и продолжала жить вдовой. Вдовство ее было прекрасно, ничем не хуже самого замужества». Дом в художественном пространстве романа – пространство жизни человека, не просто его мир, а сфера разворачивания судьбы. Через картину дома проявляется отношение человека ко всему существу. Дом – внутренний мир, хранилище мудрости и продолжения родовых традиций. Именно с домом связана общая система универсалий: детство, любовь, родовая память.

В параграфе 2.2 *«Мотив пути и хронотоп судьбы в романе: система корреляций»* разносторонне раскрыты репрезентация мотива пути

и особенности реализации художественного времени и пространства судьбы в романе Л. Улицкой. С темой дома связан мотив путешествия, разрыва связи с отчим домом, отрыва от своих корней, попаданием героя в чужое пространство, даже в чужую страну. В романе Улицкой «Медея и ее дети» дорога не является композиционным стержнем произведения, но она проходит лейтмотивом через весь роман. Образ дороги выполняет роль символа жизненного пути, прохождение пути всегда связано с преодолением трудностей, препятствий, поэтому путь также символизирует инициацию, обряд посвящения, приобщения к прежде недоступному знанию, обретение мудрости, житейской или сакральной. Одна из традиционных функций введения в текст мотива пути – очерчивание пространственно-временных рамок сюжета. Нетипично изображение дороги в философском плане. Путь героев Л. Улицкой выстраивает в строгом соответствии со следующими критериями, что в целом воплощает систему её философских взглядов:

- главные герои романа и их преемники, носители духовных ценностей, совершают движение по вертикали, хотя их пространственно-временной континуум ограничен. Эти герои являются своего рода посредниками между двумя мирами – духовным и физическим, их можно назвать медиаторами. Повествование, связанное с путем этих героев, ведется в философском русле. В анализируемом романе к числу таких героев относится Медея, близок к ней Георгий, ее духовный преемник;

- второстепенные герои, которые так или иначе взаимодействуют с главными, проходят инициацию, но совершают движение по горизонтали, поскольку им не дано войти в то пространство судьбы, в котором находятся избранные. Любое событие жизни второстепенного персонажа событийно, является важным компонентом сюжета. Это Самуил, Александра, остальные родственники Медеи;

- персонажи, которые путем переосмысления, через нравственные мытарства приходят к прорыву в иное пространство, переходят на уровень метафизического бытия. Описание этого типа героев сопровождается психологизмом и драматизмом. Данный тип героя проходит через границы сна, смерти. Именно таким образом в романе показана эволюция души Маши.

Мотив пути обуславливает в романе возникновение ситуации выбора и исполнения судьбы. Медея двигается только в духовном пространстве, остальные герои – в физическом, находясь в ситуации выбора жизненного и духовного пути. Для Медеи путь пролегает в пространство вечности, при этом она выступает наставницей своих родных. Авторские представления о судьбе ориентированы на теорию линейности жизни, основанную на архаической парадигме судьбы. Медея убеждена, что благодаря соблюдению

семейных традиций и нравственных законов возможна идеальная жизнь, на которую стоит ориентироваться, поскольку незыблемые основы современной жизни заложены именно в древние времена. Вся “программа” современного человечества должна соотноситься с древностью, так как иерархия ценностей не претерпела со времен античности почти никаких изменений. Она считает, что образцы поведения, культурная и философская база, язык даны нам еще предками, нашими родственниками, которые опекают нас в нашей жизни. Медея отмечена печатью судьбы, причем своего рода «жертвенную» роль она не выбирала себе сама, ее судьба predetermined, она особая, это судьба Медиатора судеб других людей.

Исследование поэтики хронотопа в произведении Улицкой «Медея и ее дети» позволяет понять, каким образом пространственно-временная организация произведения формирует концепцию судьбы. Специальных работ, представляющих целостный анализ особенностей хронотопа в произведениях Л. Улицкой практически нет, хотя в сфере интересующего нас аспекта в различных литературоведческих работах общетеоретического характера имеются серьезные наблюдения, посвященные анализу тех или иных сторон пространственно-временной организации анализируемого романа. Основопологающей для исследовательской концепции является теория хронотопа М.М. Бахтина, поскольку ее тезисы позволяют установить родовые романские черты, отсылающие к архетипической мотивной структуре, характерной для мифа. В произведениях Л. Улицкой существует своеобразное пространство, которое воплощается в различных романах и рассказах неодинаково. В романе «Медея и ее дети» хронотоп – уникальная система координат, в которой и существуют герои. Здесь пространство и время несколько несоразмерны: пространство состоит из разных миров, в нем четко выделяется топос сакрального и топос профанного пространства, а время романа одно – современное, однако, несущее на себе печать мифологического. Примечательно, что пространство и время сливаются у Л. Улицкой в мысли о вечном: совмещение пространств происходит в одном сегменте, который является полем судьбы. Переплетение реального времени с отголосками мифологического реализуется автором посредством различных деталей и способствует экспликации концепции судьбы. Специфической чертой хронотопа романа «Медея и ее дети» можно назвать его структурность. Четко упорядоченное течение событий происходит в реальном мире, так называемом профанном пространстве, в котором действие судьбы описывается автором-повествователем. Это мир второстепенных персонажей произведения, топос профанного пространства.

В сакральном же мире велика власть архетипов (Медеи, матери, вдовы, блудного сына), семейных традиций. Два этих мира, сакральный и профанный, концентрически вписаны друг в друга, и в образовавшемся сегменте, на месте пересечения, образуется поле, его и можно охарактеризовать как поле действия судьбы. Так происходит совмещение разных пространственных миров, проникающих друг в друга посредством третьего, который и будет выражением самой судьбы в романе. Впечатление целостности, единства, связанности этих миров создается с помощью художественных средств: авторского юмора, размышлений о судьбе, комментариев к поступкам героев, аксиологического акцента на семейной проблематике и проблеме женской судьбы. Границы между мирами непрозрачны, не маркированы никакими художественными средствами, однако деление на выявленные миры в романе существует. Мир, в котором живет семья главной героини, – это топос профанного пространства, мир, отгороженный от нее. Пространство, на котором находится Медея, – топос сакрального пространства, мир медиатора, обуславливающий развитие другого мира. Именно здесь происходит демифологизация образа архаической Медеи. Мир Медеи объединяет и в то же время разъединяет художественное пространство романа. Выстраиваемый автором мир главной героини несет на себе функции отрицания мифа и конструирования новой реальности. Это своеобразный постмодернистский прием повествования, когда автор играет с читателем, включая в свой текст миф, позволяя таким образом расширить рамки традиционного изложения материала. За, казалось бы, сугубо прозаичным повествованием о семье Медеи, скрывается глубокий пласт легко узнаваемых архетипов и мифов, реминисценций и рассуждений автора.

Параграф 2.3 «*Мотив любви и страсти и его реализация в романе*» посвящен раскрытию тезиса о том, что мотив судьбы реализован в романе «*Медея и её дети*» через тему любви и страсти. Особенностью прозы Улицкой является ее пристальный интерес к теме семьи, любовь, страсть – один из лейтмотивов семейной темы. Если говорить обо всем творчестве писательницы как о метатексте, то художественное единство пространства, времени и чувства формирует особое семантическое поле в структуре ее произведений. В романах писателя присутствует также поле страсти и страстности, определяющее сюжет. Страстность представляет собой эмоциональную доминанту художественного мира Улицкой, проявляющаяся в архетипических переживаниях, идеях, образах; страстность репрезентирует художественный характер, который, в свою очередь, определяет бытие героя

и его судьбу. В изображении любви – страсти у Улицкой присутствует мифологическое начало. Мир любви предстает одухотворенным, неискаженным, миром гармонии и красоты, а мир без любви – мир зла и невежества. Любящий человек всегда подчинен каким-то внутренним неведомым самому герою законам. Характер героя испытывается сферой его личных чувств. Оппозиция *любовь/нелюбовь* становится сюжетообразующим принципом произведений писательницы. В романе «Медея и ее дети» любовные отношения между персонажами отличаются разнообразием. Их можно классифицировать следующим образом:

- любовь между мужчиной и женщиной, истоки изображения которой находятся в классической литературе. Это любовь созидающая, в результате которой рождаются дети (дедушка и бабушка героини, ее родители, семья Степанян)
- любовь-долг. Особый вид любви внутри семьи, когда один герой берет на себя ответственность за судьбы других, его любовь помогает остальным членам семьи строить свою жизнь гармонично (любовь Медеи и Самуила, любовь Медеи к родным).
- любовь-страсть, любовь-игра. Этот тип любви характерен для героев, поступки которых противоречат общепринятой морали, но не осуждаются автором. Эта любовь может быть как разрушительной, так и созидающей (Любовь Сандры, Ники, Маши и других героев).

В параграфе 2.4 «*Мотивы случая и смерти в понятийной парадигме судьбы в романе*» подчеркивается, что важными аспектами, имеющими онтологическое и аксиологическое значение для раскрытия понимания судьбы в индивидуальной картине мира Л. Улицкой и её героини, являются мотивы случая и смерти. По представлению Медеи, однажды встреченный человек возвращается для того, чтобы что-то изменилось. Все люди на протяжении своей жизни встречаются друг с другом не случайно, они каким-то образом влияют друг на друга, изменяют свою и чужую судьбу. Каждая встреча является судьбоносной, поскольку нити судьбы тянутся, соединяются и делают узор. Этот узор и есть сама жизнь, а узловым момент – момент встречи двух людей.

Случай в системе представлений о судьбе играет в романе важную роль. Согласно концепции автора, выразителями идеи случая в романе являются второстепенные персонажи. Именно в их судьбах случай занимает первостепенное место. Главная героиня романа, Медея, не верит в случайности, которые происходят в жизни. Она убеждена, что каждый случай – это лишь проявление судьбы. Однако слова, обозначающие понятия

случая «случайность», «совпадение», присутствуют в произведении, при этом автор делает акцент на непосредственную связь случая с судьбой.

Случай, один из узловых моментов судьбы героев Л. Улицкой, релевантен проблеме смерти, поскольку смерть как финальная реализация судьбы героя зачастую предполагает участие в этом финале рока, фатума. Исследуя проблему смерти в творчестве Улицкой, мы рассматриваем такие аспекты, как нахождение героя после смерти в ином пространстве, тоже во многом случайное, а также мотив отражения, отпечатка судьбы на других персонажах как предначертанности смерти и её случайности. Отношения со смертью у героев романа «Медея и ее дети» разнообразные. Смерть проверяет человека. Отношение к смерти уважительное, точнее, чтится память умерших. За тридцать лет после смерти мужа «...единственная горькая обида, выпавшая ей от мужа – как ни удивительно, уже после его смерти, - растворилась, а облик его в конце концов приобрел значительность и монументальность, которой при жизни в помине не было». В мифе смерть является итогом страсти мстительной Медеи. Смерть в тексте Улицкой способствует очищению душ героев: Александры, Медеи на уровне подсознания. Александра наказана за связь с мужем сестры, а Медея за обиду на умершего Самуила.

Третья глава «Мифологический статус концепции судьбы в художественном мире романа «Медея и ее дети»» посвящена изучению особенностей авторского неомифологизма в романе.

В параграфе 3.1 *«Авторский неомифологизм: вектор развития»* рассматриваются концепции мифа, неомифологические тенденции современного литературного процесса, нашедшие отражение в творчестве Л. Улицкой, в историко-литературном контексте. Литература XX – начала XXI вв. характеризуется тенденцией к авторскому мифотворчеству, вниманием авторов к античной и общемировой мифологии. Миф, в силу своей исконной символичности, является удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, существенных законов социального и природного космоса, он позволяет «выйти» за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления «общечеловеческого» содержания. Мифологические мотивы сыграли большую роль в генезисе литературных сюжетов; мифологические темы, образы, персонажи используются и переосмысляются в литературе почти на всем протяжении ее истории. Творчество Л. Улицкой пронизано мотивами мифотворчества, которые наиболее ярко отразились в ее романе «Медея и её

дети». Но мифологизация творчества – это не только способ одухотворения эстетического мира и выхода на уровень решения общечеловеческих вечных вопросов бытия, но еще и попытка писателя посредством включения мифологем различного уровня в авторский текст объяснить повторяющиеся в каждой эпохе типические проблемы и стандартные формы поведения людей. Литература XX в. идет по пути демифологизации, которая представляет собой явление, уже не раз повторявшееся в мировом литературном процессе, «возврат» в лоно мифа – это вполне естественный и традиционный шаг, всегда обогащавший литературу. И связан он, в первую очередь, с созданием энергетически богатых образов действительности и с разрушением стереотипов мифопоэтического мышления. Постоянное взаимодействие литературы и мифа протекает непосредственно, в форме «переливания» мифа в литературу, и опосредованно: через изобразительное искусство, ритуалы, народные празднества, религиозные мистерии, а в последние века – через концепции мифологии, эстетические и философские учения. Итак, мифопоэтика может рассматриваться как художественная система, основанная на мотивированном обращении к мифологическим моделям, к поэтике мифа.

Л. Улицкая демифологизирует образ Медеи в своем произведении «Медея и ее дети». Миф выступает важнейшим элементом структуры романа. Образ Медеи развенчивается автором, и на основе мифологического создается новый, адекватный современным реалиям. Согласно мифопоэтическим канонам, герой наделяется преопределенной судьбой, модель его поведения вписана в общий миропорядок, этапы прохождения испытаний героя изначально известны. В результате такого «развенчивания» Медея Улицкой, сохраняя черты своей мифологической тезки, кардинально отличается от нее. Основу мифологического образа Медеи в мифе и в трагедии Еврипида составляют ритуальные сцены, бинарные оппозиции и другие, характерные для мифопоэтического мышления черты. Героиня Улицкой также живет в соответствии со строгими ритуалами, ее образ жизни можно назвать идиллией, однако «ритуальность» жизни героини специфическая, изначально заданная автором как праведническая. Миф неосуществим без ритуала, и мифологическая ритуальность жизненного цикла сакральна для мифа о Медее и романа Улицкой.

Л. Улицкая, вводя в текст романа образ мифической Медеи заглавием своего романа, ориентирует на вечные начала, на архетипические константы человеческого и природного бытия – дом,

любовь, смерть. В произведении все явления, события описываются двумя культурными кодами, двумя системами: мифологической и современной. Наблюдается типический для мифологизма прием конструирования новой реальности на основе матрицы мифа.

В романе Л. Улицкой в семье Медеи есть почитание традиций предков, соблюдение нравственных законов, но нет признания священной природы женщины. Любовь – страсть доминирует в произведении, как в мифе, но главная героиня романа не способна испытывать истинной любви к мужчине, ее чувство можно охарактеризовать как любовь – долг, этим она и отлична от остальных героев. Медея одухотворена, анимизирована по сравнению со своей мифологической тезкой. Гиперболизированная страсть в мифе о Медее становится роковой как для самой Медеи, так и для всех окружающих, в том числе и ее детей. Античная героиня оскорблена тем, что ее муж предпочел ей другую, а ради Ясона Медея пожертвовала всем: родиной, семьей, жизнью брата, добрым именем. Страсть, не имеющая границ, перерастает в желание отомстить. Мотив страсти и мотив долга являются общими для мифа и романа Улицкой. Согласно мифу, Медея – волшебница, дочь царя Колхиды, внучка Гелиоса, племянница Кирки. Медея находится в родстве с богами, и именно боги внушили ей страсть к Ясону. Она помогает возлюбленному овладеть сокровищем – золотым руном и творит злодеяния во имя любви. Золотое руно, которое так желал заполучить Ясон ради царствования на троне, становится символом власти, богатства, а также бед, несчастий и испытаний. Возможно восстановление ассоциативных связей между золотым руном и нитью судьбы, которую прядут мойры. Изначально золотое руно, ставшее магическим гарантом благоденствия колхов, запечатленное в мифе, отражает историю ранних связей между Древней Грецией и Кавказом. По преданию, золото на Кавказе добывали, погружая шкуру барана в воды золотоносной реки. Руно, на котором оседали частицы золота, приобретало большую ценность: так руно становится символом богатства, власти и силы. Отметим в этой связи, что Медея в романе Улицкой неслучайно не любит власть, сторонится ее, старается быть вдалеке от управления (власть у нее ассоциируется с образом мужчины, а мужчина – это сила, источник страсти, удовольствия, а также бед, трагедий). У главной героини, чья жизнь и судьба локализованы в современности, происходит отторжение мира зла, насилия, профанного пространства, Медея отгорожена от остального мира узкими рамками дома и работой в больнице. Она предпочитает жить в своем, сакральном пространстве, словно вычеркнутая из настоящей жизни с ее страстями, изменениями,

переживаниями, у нее свое течение мысли, отчисление времени, ритуальная жизнь. Героиня Улицкой пытается построить мир без мужчины, как будто наперекор Медее античной, которую погубила страсть к Ясону. Медея из мифа – образ разрушающий уклад, основы, стереотипы женщины, однако героиня Улицкой созидает, творит новую реальность, хотя быть матерью ей не дано в физическом смысле этого слова. Те, кто находится рядом с Медеей, подпитываются соками её нереализованного материнства, достаточно строгого; это материнство можно назвать духовным. Медея во что бы то ни стало способствует сохранению рода, соблюдению традиций предков, не ограничивает никого из родственников в выборе пары, не осуждает, а только принимает у себя новых людей и детей. Воспитательная функция героини романа расширена: дети – продолжение рода, несут память предков, выражают лучшие качества, но они не должны впитать в себя стереотипы неправильного поведения и ложные ценности. В романе «Медея и ее дети» показано господство страсти над разумом, однако страсть здесь не является разрушающим началом, как в древнегреческом мифе. Улицкая пишет как бы продолжение трагедии в хронотопе современного общества, с его стереотипами и новыми гендерными ролями, делая акцент на феминном начале бездетной Медеи, лишая героиню материнства, которое исключительно важно для общественного, индивидуального благополучия женщины. Миф полностью построен на этой оппозиции двух категорий: добра и зла, сакрального и профанного, верха и низа и т.д. Улицкая показывает читателям другую сторону женской сущности и рассуждает о том, как могла бы сложиться судьба Медеи в современном мире.

При глубоком изучении архетипов становится очевидным, что, по существу, они остаются неизменными в течение столетий, а все внешние различия просто отражают особенности разных культур. Л. Улицкая подчеркивает: духовность важнее, диалог между людьми должен строиться не только по принципу родства. На глубинном уровне, на уровне архетипов, героиня Улицкой все еще принадлежит к хтоническим существам, разрушительным по своей природе. Благодаря своим позитивным качествам романная Медея старается перебороть в себе мифологический образ, отсюда строгое соответствие ритуалу, долгу, христианская наполненность образа. Архетипическая жена, мать, но по контрасту – авторитарная женщина с довольно жесткими правилами, ведет аскетичный образ жизни. Духовно зрелая, Медея именно поэтому способна принимать у себя молодых распутных родственников, покровительствовать им. В ней соединились два амбивалентных начала: созидательное и разрушительное; созидательное

способствует духовному наставничеству, разрушительное начало выражено неявно – излишняя строгость по отношению к себе, своеобразная праведность, приоритет общего, родового счастья над личным. Стремление сохранить и передать традиции родителей разрушает женское я героини, лишает ее возможности быть желанной, испытывать любовь – страсть. Л. Улицкая, таким образом, строит свой миф о Медее, сознательно отказываясь от традиционного сюжета мифа с целью его демифологизировать. Она говорит о реалистическом характере любви, приближает героиню к реальности, рассматривает образ Медеи в современной действительности. Древнегреческий миф о Медее и трагедии античных классиков во многом романтизированы, гиперболизированы и даны в контексте социокультурной ситуации иного уклада общества, хотя непреложность ценностей, заявленных в мифе, неоспорима. Выбор жанра для передачи истории Медеи говорит сам за себя. Данная тема из области высокого плавно перетекает в область обыденного, в которой нет места архаичному разгулу страстей и погоне за призрачными целями. Л. Улицкая говорит о главенстве долга, семейных ценностей, подчеркивает значимость каждой жизни и показывает уникальность каждой судьбы. Писатель лишает свою героиню возможности иметь детей, никак не объясняя этого. Предположим, что у героини нет детей, поскольку инстинктивная женская природа Медеи восстает против традиционной роли женщины времен патриархата, господства маскулинного над феминным. В новом авторском мифе о Медее у нее новые функции и иная картина мира, отличная от мифопоэтической. Несмотря на роль медиатора между миром сакральным и профанным, материальным и духовным, пограничное состояние Медеи, ее нельзя назвать ни истинной христианкой, ни поклонницей языческих богов. Медея верит в бога отнюдь не неистово, это не мешает ей соблюдать противоречащие христианству ритуалы, не освобождает ее мышление от народных верований.

Мифологические представления о судьбе в картине мира Медеи выглядят так: судьба капризна, насмешлива, от ее покровительства зависит, удачно или нет человек живет, но человек волен сам решать как ему вести себя. Медея уверена, что судьбу можно «заключить», то есть сделать лучше, однако, если носитель судьбы не хочет поступать благоразумно, то судьба не будет ему благоволить. В переплетении человеческих жизней Медея видит узор судьбы, который кем-то свыше вышивается. Однажды встреченный человек возвращается, чтобы изменить судьбу, повлиять на нее; от этого человека тянутся нити к другим людям, что опять же образует узор.

Поскольку Медея воспринимает всех людей через призму кровных родственных уз, то появившиеся в ее жизни люди становятся участниками судьбы ее рода, имеют прямое или опосредованное отношение к семье.

В параграфе 3.2 *«Миф и его художественное воплощение: концепция судьбы в образе главной героини»* рассматриваются корреляции авторской и персонажной точек зрения на судьбу, их многообразное воплощение в романе. Тема судьбы в романе Л. Улицкой присутствует одновременно на всех уровнях произведения: сюжетном, композиционном, образном – на уровне системы персонажей. Поскольку понятие «судьба» относится к числу философских категорий, точнее, его семантика философски наполнена, вбирает в себя опыт предшествующих поколений, сочетает в себе различные представления: мифологические, художественные, народные, то можно сказать, что тема судьбы «структурирует» роман «Медея и ее дети».

В произведении Л. Улицкой тема судьбы представлена как «внешняя», так и «внутренняя», явная и скрытая. Об этой проблеме достаточно много говорят и размышляют автор и различные герои романа, и в то же незримое присутствие судьбы ощущается, даже в тех случаях, когда напрямую о ней говорится. Каждый герой, так или иначе, сталкивается с проблемой судьбы. Но отношения героев романа с судьбой складываются по-разному. Христианские мотивы в романе, наряду с античными, играют ключевую роль. Они создают и поддерживают символический подтекст произведения, который, в свою очередь, выражает авторское представление о судьбе. В ценностной картине мира главной героини романа важное место занимает вера. Но ее вера не фанатичная, а скорее житейская, наполненная глубинным смыслом. Героиня не забывает молиться Богу, выполняя повседневные дела. «Пока вода согревалась на керогазе, Медея застилала свою постель и бормотала коротенькое утреннее правило из совершенно стершихся молитвенных слов, которые, невзирая на их изношенность, неведомым образом помогали ей в том, о чем она просила». Молитва для Медеи является обычным делом, которое носит ритуальный характер. Улицкая подчеркивает, что слова молитвы были «стершимися», это значит, что Медея постоянно, на протяжении всей своей жизни произносила эти слова, которые помогали ей. А просила она: «.. принять новый день с его трудами, огорчениями, пустыми разговорами и вечерней усталостью, дожить до вечера радостно, ни на кого не гневаясь и не обижаясь»...Обращение к Богу у Медеи простое, незамысловатые слова молитвы и просьба ее – просьба простого человека, который обращается к Богу не только в минуту трудности, а каждый день. Итак, базисное представление о судьбе главной героини: судьба – нечто

Богом данное. Медея не говорит о Промысле или Путих Господних, но подразумевает их.

Настолько хорошо Медея чувствовала себя на земле предков, что природа щедро одаривала Медею своими подарками. У героини были удивительные способности: она находила ценные именно для нее вещи, которые хранила и считала почти священными. Была Медея собирательница трав, любила камни: сердолик, горный хрусталь, старинные монеты. Венцом ее находок был плоский золотой перстень с помутневшим аквамаринном. «Крымская земля была всегда щедра к Медее. Медея находила грибы, камни, однажды она нашла кольцо, которое носила тридцать лет не снимая» Эта находка героини символична, поскольку кольцо имеет круглую форму и подобно другим шарообразным предметам, символизирует бесконечность, внутреннюю завершенность и цельностью. Кроме того, кольцо обозначает вечность и цикличность, является символом солнца. В. Н. Топоров подчеркивает связь солнца и мирового древа: годовое круговое движение солнца по отношению к оси мирового древа конституирует круговое пространство по горизонтали (в горизонтальной проекции древо отмечает *пуп земли* в минимуме и окружность, отделяющую внутренний круг от внешнего пространства, в максимуме).

Не случайно главным достоянием сказочных волшебников является кольцо или перстень, ведь именно в кольце заключается магическая сила, превращающая обычного человека в чародея. Кольцо также трактуется как символ власти и богатства. Хранитель кольца может воспользоваться властью и действовать в корыстных целях, но истинная власть доступна лишь тому, кто отказывается от любви. Медея же не в состоянии сделать этого, она считает, что всякая любовь от Бога. Характерно, что найденное кольцо принадлежит сестре Медеи, Александре, которое она потеряла в то лето, когда у нее был роман с мужем Медеи. Власть Медеи особая, это власть над пороками, над злым началом в себе и в своих родственниках, за исключением только одного: Медея, заботясь о приумножении потомства, не властна побороть страсть в душах своих родных, напротив, она культивирует в них чувство любви и материнства. Таким образом, отсутствие собственных детей у Медеи говорит о ее избранности на роль хранительницы очага многочисленного семейства, Медее не дано любить больше других своих детей, поскольку у нее их нет. Подчеркнем, что символ власти Медеи влияет на ее женскую природу. Героиня не имеет собственных детей, так как ее миссия властвовать, духовно излечивать, поддерживать других, а истинная власть, нравственная сила дается тем, кто жертвует своей любовью. Медея

буквально пожертвовала собой ради других, доминантой её характера является безграничная любовь к детям при отсутствии своих детей и своеобразное управление судьбами родственников. Власть Медеи не тяжела для нее, она гордо несет свой крест и способна любить чужих детей как собственных.

В романе акцентируется внимание на функционально значимых параллелях образа главной героини, осложненного фольклорными коннотациями, указаниями на конкретное заимствование. Ведущую роль в создании образов семейных праведников играют житийный и библейский подтексты, которые неявно присутствуют в тексте Улицкой. Л. Улицкая использует не конкретное житие, а насыщает повествование произведений узнаваемыми деталями – знаками, которые апеллируют к «культурному базису» читателя. Образы праведников в прозе Л. Улицкой по своей сути «собираательные»: за ними стоит и образно их питает целая череда праведников, как житийных, так и литературных (праведники А. С. Пушкина, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. И. Солженицына, праведники деревенской прозы и др.). Генетически герои современной писательницы восходят к «житийно-идиллическому» «сверхтипу» героя, вобравшему в себя «наряду с идиллическими ценностями, которые запечатлены в средневековых житиях святых и благодаря этому укоренены в христианской культурной традиции». Этот персонажный тип обладает комплексом устойчивых качеств, которые свойственны также героям-праведникам Л. Улицкой: «укорененность человека в близкой реальности», жизнь «как поддержание некоего порядка и лада», открытость миру и способность любить, «пребывание в мире аксиом и непререкаемых истин», наличие твердых установок сознания и поведения» (В. Е. Хализев).

Авторская идея судьбы реализуется как некая «пирамида» культурных слоев: в её основании находится уровень античных представлений о судьбе, включающая архетипы, в том числе эксплицированные в мифе о Медее и в воззрениях на судьбу древних греков, персонифицированные в культе богинь судьбы; следующий уровень – славянские бинарные представления о Добре и Зле, сакральном и профанном, Доле и Недоле; далее – религиозные представления, оформленные в русле христианства в представлении о Промысле Божьем. Все уровни связаны воедино, репрезентированы спецификой романного хронотопа.

В заключении обобщаются достигнутые результаты и намечаются перспективы исследования.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК

1. **Новоселова Т. А.** Мотив судьбы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // «Гуманитарные исследования». – №2, 2010. – Астрахань: Астраханский издательский дом, 2010. – 0,7 п. л.
2. **Новоселова Т. А.** Идиллический хронотоп в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»: проблемы судьбы-рода-семьи-дома // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – №4, 2010. – 0,6 п. л.
3. **Новоселова Т. А.** Интертекстуальность романа Л. Улицкой «Медея и ее дети»: проекция понятия СУДЬБА // «Гуманитарные исследования». – №4, 2010. – Астрахань: Астраханский издательский дом, 2010. – 0,7 п. л.

Статьи и тезисы докладов в сборниках научных трудов и материалов научных конференций

4. **Новоселова Т. А.** Концепт «судьба» в народных представлениях древних славян. – V Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». – Пятигорск: ПГЛУ, 2007. – 0,3 п. л.
5. **Новоселова Т. А.** Концепты «страсть» и «судьба» в контексте религиозной и человеческой морали // Материалы X Международной юбилейной конференции «Ахановские чтения». Казахский национальный университете им. аль-Фараби. – Алматы, 2007. – 0,5 п. л.
6. **Новоселова Т. А.** Семантическое поле концепта «судьба»: гендерный аспект. – Научный журнал «Caucasus Philologia». – №2, 2007. – Пятигорск: ПГЛУ, 2007.– 0,6 п. л.
7. **Новоселова Т. А.** Отражение языческих представлений понятия СУДЬБА в русской литературе XIX века. – Материалы VI Международной научной конференции «Актуальные проблемы общей и адыгской филологии», посвященной 85-летию со дня рождения профессора З. И. Керашевой. – 24-26 апреля 2008 г. – Майкоп: АГУ, 2008. – 0,5 п. л.
8. **Новоселова Т. А.** Семантическое поле мифологемы СУДЬБА в славянской языческой культуре // Материалы II Международной конференции «Эпический текст: проблемы и перспективы изучения». 16-18 октября 2008 года. – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – 0,5 п. л.
9. **Новоселова Т. А.** Исследование понятия СУДЬБА в современном литературоведении // Материалы Международной научной конференции «Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI

века: когнитивно-концептуальные аспекты». – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 0, 7 п. л.

10. **Новоселова Т. А.** Мотив страсти в романе И.А. Гончарова «Обрыв» – VI Международный конгресс «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру – мировое сообщество». – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – 0,3 п. л.

11. **Новоселова Т. А.** Архетип блудного сына в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // научный журнал «Caucasus Philologia» №1(6) 2011. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 0,7 п. л.

12. **Новоселова Т. А.** Принципы сотворения неомифа в творчестве Л. Улицкой // Материалы II Международной научной конференции «Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность». – 10-12 ноября 2011 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 0, 7 п. л.

13. **Новоселова Т. А.** Миф как алгоритм повествования в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети» // Материалы IV Международной научно-практической конференции «Русскоязычие и би(полилингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты». – 21-22 апреля 2011 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. – 0,6 п. л.